

Александр Валентинович Васильев

Дигитальное перо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64105177

SelfPub; 2021

Аннотация

Мир молодёжи – это мир, к которому каждый из нас принадлежал или принадлежит. Этот мир всегда на грани будущего. Когда мы молоды, день завтрашний, как очередное фантастическое приключение, правда, с такими же правилами, как и у взрослых: есть дружба, любовь, занимательное дело. И как мы этим распорядимся, зависит лишь от нас...

Содержание

Глава 1 (пятница) Шахты	5
Глава 2 (пятница) Парнас	27
Глава 3 (пятница) Парнас. Лаборатория.	38
Глава 4 (пятница) Парнас. WRE	48
Глава 5 (пятница) Парнас. Кафе.	57
Глава 6 (пятница) Оладья.	66
Глава 7 (пятница) Парнас. Лаборатория	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Александр Васильев

Дигитальное перо

эпиграф

Всем, кто был студентом, посвящается...

**Я с повседневностью борюсь
И думаю порой,
Когда-нибудь я не вернусь,
Забыв свой путь домой...**

Глава 1 (пятница) Шахты

Вот какое оно моё утро? Многие, знающие уровень моей зарплаты, сказали бы, что вполне нормальное или может даже приличное. Многие, наверно, сказали бы, что грех тебе жаловаться и ещё добавили бы, не зажрался ли ты, сынок. Мы тут вообще-то вкальваем и без такого утра. А иногда и без утра вообще. Только глядь – трёх суток, как не бывало.

Наверно, и это не совсем гипотетически, найдутся те, кто скажет, не суетитесь, молодой человек. Сейчас, конечно, жизнь ваша, если это можно назвать жизнью, мягко говоря не очень, но ведь вам не так много лет, не разбрасывайтесь временем и связями, и, глядишь лет через десять, утро будет таким, каким вы его хотите сами. Надо быть настойчивей с целью. Кстати, где отчет об исправлении файлов?

Казалось бы, послушай первых и утро заиграет лучами нового дня. Каждая минута наполнится важностью, если не сказать смыслом, и пройденный путь, представится правильной тонкой тропой среди бурелома. С таким настроением обычно хочется, залихватски расстегнув первые две пуговицы служебного кителя, облокотится на открытое окно припыленного кроссдезера и, задрвав голову вверх, посмотреть

на солнце через мягко-тонируемые рефлектирующие очки.

Во втором случае сознание заполняется морозной собранностью. Холодное лезвие мысли готово к необычайно точным действиям. Кажется, любой хитро-сплетенный логический узел удастся лишь маленьким надрезом одной из ниток превратить в дряблую ветошь, раскачивающуюся на ветру. Коэффициент полезного действия в такие моменты максимален, все пуговицы на служебном кителе застегнуты и надраены, кроссдесер блестит ледяным металлом, к очкам обязательно должна быть добавлена фуражка.

Это все мне пришло в голову пока аппарат общепита на топливной заправке готовил мне кофе. Может день будет насыщенный? А ведь первый стаканчик с горячим бодрящим напитком толком ещё не появился снаружи, так, шуршит там что-то в пластиковых недрах, раздавая лишь манящий запах.

А вокруг хлопьями падает мокрый снег. Как же я это люблю! Такую погоду. Многие, а вместе с ними ещё очень многие, говорят, что нет отвратительней погоды, чем мокрый снег. Но это не про меня. Я наоборот обожаю, когда трассу неспешно валит крупным тающим белым конфетти. И за окном холодновато, а в машине тепло. И ехать можно вразвалку, не торопясь, без спешки. Дезеру ведь все равно, он может

переехать и болото, увязнув хоть по самую крышу.

Автомат, наконец, отдал мне кофе. Содрав, как водится, больше чем стоило бы. Так какое утро мне нужно? Жаль, что этот вопрос волнует лишь меня. Какое, какое? В двух словах и не скажешь. Ладно, сядем за руль, в дороге и ответим. Ну-ка, как бы не облиться.

Утро. Иметь его в распоряжении не каждый мечтает, причем, не надо прельщаться мечтами многих. Мечты многих да и многие мечты, как античный фасад посреди гранитной пустыни – вроде и красиво, но вот оно тебе надо? А что же надо мне? Разбираюсь, разбираюсь, а конца не видно.

Кроссдез вальяжно катил по каменной дороге, растапливая собственным термооблаком дюз, которые находились под лобовым стеклом на капоте, ватные хлопья, кофе грел руку, впереди занимался день. Ломанный гребень скал на горизонте светлел. Ехать было ещё часа полтора. На машине, созданной для гранитного бездорожья, это было почти как отдых. Ведь путь из себя представлял лишь ровное каменное плато. На повестке дня небольшой ремонт в рудниках и дорога назад, в город. А там остаток рабочего времени на сетевой диагностике и свободный вечер. Все уйдут, и можно будет с наслаждением делать то, что на самом деле важно. Для меня, конечно. А может и для общества? Может, то, что

я творю с наслаждением для себя, важным окажется и для других? Ведь они, эти другие, делают то, что важно им, важным и для меня. Ведь может случиться и наоборот? Неизвестно.

Вот Грин говорит, что теоретическое идеальное общество не будет иметь определенного вектора развития. Общество будет просто исследовать непознанное, складывая при этом накопленные знания в произвольной комбинации. Именно это и будет определять вектор. Если историю такого общества обнулять каждые двести лет, то каждый раз будет рождаться новая история. И это с учетом того, что люди с начала времени будут те же и в том же количестве. Чёрт его знает, откуда он берёт такие выводы? И что он для этих выводов делает? Ведь это ж чистые домыслы, но он-то приходит с цифрами из статистических данных.

Бертыч это тоже подтверждает, только с другой стороны. “Война войне рознь” – вот его слова. У него ведь всегда одна война. И всё время какие-то сражения. И всё время следственно-причинная связь этих войн. И причина всегда материальная. То есть духовной причины для войны при всём его богатом, хотя может и не очень, опыте военных исследований, он не нашёл. Все время есть яблоко раздора, и это яблоко можно откусить и съесть. И что самое интересное – без этого яблока аппетит не появляется, шпаги ржавеют в нож-

нах, а из танков начинают делать аккумуляторные ветряки.

Это видимо от Градского. Тому, хлебом не корми, дай только все обустроить. Ветряки, солнечные батареи, термальные гейзеры – всё как обычно. Сплошной Вечный энергопоток. Вот сам бы я хотел бы жить в такой умасленной реальности? Энергии на все хватает, полная деградация вещей – ценностей вследствие их изобилия. Ходи хоть всегда в одних трусах – тепло, сытно и никакого дела до твоей материальной сущности, у всех все тоже самое: захотел – взял, понадобилось – включил, съел – не влезло.

Эх, друзья мои, друзья! А чудо ведь, что мы встретили друг друга. Ведь могли же в принципе и мимо пройти, не заметив. И жили бы, и рассуждали бы на те же темы. Только друг без друга. Но теперь есть пятница, а с ней клубные посиделки, клюквенные коктейли и застольные споры почти до утра. Это важно для меня, и я вижу, что это важно для вас. Значит то, что я творю важно? Определенно здесь что-то есть.

Карманник молчал, а значит спешки не было. Каменные плиты справа на этом участке дороги задирали полого край пустыни вверх. Можно было ехать и прямо, но время позволяло сделать маленькое отклонение от курса. И я который раз этим воспользовался. Кроссдез пошёл под уклоном

вверх к задернутому плитняковому полотну. Я остановил машину и вылез, чтоб до самой кромки дойти пешком. Там с высоты излома был виден далекий горизонт. Плоский гранит исчезал здесь, казалось, целиком в небе, и если, стоя неподвижно, приходилось долго смотреть на бесконечную тонкую линию, создавалось ощущение будто каменный монолит наоборот вытекал морем из небес.

Там вдали ещё где-то за тысячи километров закончится твердый и безжизненный материк и начнется море. Море будет всего лишь мостом до другого огромного участка суши, совершенно не похожего на этот. Лес будет главной его основой. Манящий, загадочный и таинственный. С тысячами цветовых оттенков, миллионами запахов и бесконечным количеством видов непознанной плодящейся там жизни. Из-за этого ещё более привлекательный. Но с тем опасный, а с тем и смертельный. Где-то там рухнул в аварийном режиме кроссфлаер деда. Что так неугомонно влекло его к лесу? Что он там не познал? Ведь был уже на пенсии, ему бы меня нянчить, а он опять своё. Ему этот флаер, как спорткар-гонщику ясельный велосипед. Вот и получается, деда, был ты для меня, сам того не зная, самой популярной и наиинтереснейшей личностью, а наиграться с тобой успел только папа.

Я сел обратно за руль, ещё десять секунд, не видя, смотрел на приборы, и только после этого нашёл в себе силы продол-

жить путь. С куртки бежали вниз капли растаявшего снега. Через час встреча с Крабом и Веславом. Через час ум будет занят интересной рутинной – что же сломалось без меня? Будет юмор, как без юмора с Крабом, будет куча советов и теорий, как без этого с Веславом. Будет всё отлично и работа, и настроение, и уж тем более совместное чаепитие, без которого они ещё ни одного гостя из рудников не отпустили. А сейчас тоска и непомерное желание больше не заезжать на обрыв, и твердая уверенность, что всё равно ведь заеду.

Я уже много раз проезжал эту дорогу. И на практике, пока был студентом, и по работе, и даже один раз для посещения увеселительной вечеринки. Хотя, что может быть весёлого в шахте? Кроме нас, ничего. Там, у меня за спиной, мегаполис, наполненный культурными событиями, которые каждый раз соревнуются в яркости, рождающий новые научные достижения, в основе которых идеи каких не было, застроенный всеми видами архитектурных причуд, которые всё больше продвигаются от центра к городской границе, а сама граница медленно распозаётся по новым территориям. И городу этому всегда всего мало. Кажется, что, если остановится всё это многообразие, то он сразу начнёт умирать. А здесь в шахте, технологии по добыче не меняются десятилетиями. Меняется техника, люди, количество выработанных тонн, но суть остаётся та же. Потому что так вышло, что в этом месте континента есть залежи, которые нам необходимы. Мы просто

их берём, считая, что их много. А так как они безжизненны, то стало быть природе не особо и важны. Сам по себе факт того, что мы забираем, нам не интересен. Нам интересно, как мы этим распорядимся потом. Ради этого «потом» и появился город. И из-за этого жизнь в мегаполисе бурлит, а в шахте и жизни-то почти нет.

Я давно заметил, когда проводишь здесь большое количество времени, потом ещё сколько-то адаптируешься в городе. Не очень долго. Но всё же это происходит быстрее, чем отвыкание от него. Значит, сила города больше, чем этого сила этого места. Может поэтому так мало желающих работать здесь на оперативной вахте. На огромное количество промышленных роботов таких людей немного. Конечно, есть удалённый контроль и сервисная служба, но постоянно присутствовать здесь никто особенно не желает.

По какой-то причине мне приятна эта смена чувств и душевных движений во мне. Поэтому я никогда не отказываюсь сюда добраться и поработать. И когда ты катишь на кроссдесе, то с каждым километром чувствуешь, как жизнь города уходит из тебя. Как гранитный ландшафт заменяет твои новоидейные мысли о работе и досуге, тягучими безмерными ощущениями неясного природного характера. В кроссфлаере этого нет, он перемещается слишком быстро, поэтому я им по возможности не пользуюсь.

Пошарпанные гранитными ветрами двери ангара автоматически открылись, впуская пришельца цивилизации, дитя урбанической культуры и сетевого небожителя духа. Так, по словам Краба, обо мне напишут в эпитафии, при условии, конечно, если концы мне придётся отдать здесь в силиконовый рудниках и, непременно, в рабочей обстановке. Это безымянное, но уникальное для каждого человека, изречение будет выгравировано на вороненой титановой пластине и восьмью микросаморезами укреплено на корпусе, какого-нибудь старого робота, которому уже не светит из-за морального устарения новое место работы на межзвездном круизере, ибо местный богатейший склад поношенных запчастей будет его последним пристанищем. На мое выражающее сомнение лицо в ответ был поднят палец и фраза “после 28 лет работы с железом, поверь мне, я знаю о чем говорю” прекратила всякое недоумение. Да, Краб – человек, одной клешней вцепившийся в механику, а второй в платье ее Величества Иронии. Не могу предположить, как он сделал свой жизненный выбор, но работать без иронии и иронизировать без работы он не может. Проверено многократно. Впрочем, что-то он сегодня не встречает, придется дожидаться его в конторке. Иначе в этих недрах безразмерных промышленных площадей их с Веславом не найти.

В большом светлом просторном помещёнии сложно было

с первого раза догадаться, что занималось оно всего двумя людьми. Вразнобой поставленные столы представляли собой некий лабиринт. Некоторые из них были завалены до предела, некоторые были чисты и оснащены лишь небольшим набором предметов видимо какой-то избранной тематики. Было светло, как днем, и тепло так, что захотелось сразу снять куртку. Может кофе? Да, почему бы и нет. Кофейный аппарат я знаю где. По-моему, рецепт «Черный град» здесь был хорош. Пока автоматические камеры нашарят их в этом техническом подземелье, пока они бросят, видимо какое-то дело, пока дойдут – у меня есть минут пять, а этого вполне хватит, чтоб завалившись в кресле насладится стаканчиком и пошевелить над чем-нибудь мозгами. Получив стаканчик с парком от горячего, я глазами нашёл место, где хотел бы усесться.

“Малой, двигай на двадцатьпятку!” – неожиданно громко сказал вдруг ближайший динамик. Что ж, отдых отменяется. Да, ладно, не впервой. Я бросил, не отпив, кофе в мусорку и, внутренне собравшись, пошёл к указанному цеху. Но настроение мое изменилось, такого чтоб приглашали на место без завсегдашнего приветствия – ещё не разу не было.

“Малым” меня звали из-за роста и, в основном, это был, собственно, Краб. Сам он был высокий, с сильными плечами и руками худоватым дядечкой. Наверно, его форму мож-

но было назвать спортивной, но спортом он него не веяло. Было видно, что сила и худоба достались ему от любимой профессии. Когда, держа навесу четырнадцатикилограммовый манипулятор и придерживая другой рукой наклонившегося разобранного наполовину промробота, он оценивал сложность предстоящего ремонта, казалось, умная машина, делавшая безупречно и точно работу, готова провалиться сквозь землю от стыда перед непринужденным величием этого азартного человека.

Я нашёл нужное место довольно быстро. Это был огромный глухой ангар, в который мне пришлось спускаться вниз по винтовой лестнице. Красный комбинезон Краба маячил у необъятной махины на вид предназначавшейся для полевых работ. С одного бока часть внешних пластин была снята, на черные внутренности направлен яркий свет. Когда я преодолел расстояние до неё, то был немного удивлён. Подойдя ближе, оказалось, что Краб был на высоте примерно в два человеческих роста, а сама машина выглядела повергнутым исполином. Он копошился в ней, что-то бормоча. Чтобы привлечь его внимание, я изо всех сил свистнул. Через минуту Краб с белозубой улыбкой, боевым прищуром и копной соломенных волос, появившейся после того, как он стянул пёструю косынку хиппи, стоял передо мной.

– Малой, здорова! – он, как обычно, крепко пожал мне ру-

ку, – ну, как? Есть над чем подумать? Нет – так мы предложим! Не хмурь брови – не на турнике. Так вот. Этот монстр хотел от нас бежать! Представляешь? Бросить нас хотел на произвол судьбы. Да, не тяни брови вверх раньше конца сказки. Про судьбу это я шучу. Но этот ПМРГ действительно стоял вон у той ангарной двери и пытался ее открыть. Завелся, включил фары, подсветку, ремонтную мигалку – полная иллюминация! Как на дискотеку собрался! Доехал до блока охраны и стал запрашивать разрешение на выезд. На этом и попался. Так как разрешения не получил. У нас нет разряда на внешку в ближайший месяц. Да, я даже и не знаю, что там делать и в следующем. Мы внешкой хорошо если раз в полгода занимаемся. Там колодец какой пробурить. А когда и кого-то в колодце засыпать! Да, шучу! Так вот. В его расписании нет никаких заданий, нет даже записи на профилактику. Ржавеет он тут у нас без дела. Да, даже не ржавеет, он ржаветь не может. Медитирует. И вдруг такая самостоятельность. Я проверил механику, хотя дело явно в управлении. Но мало ли одно следствие другого. Веслав уже уже два часа сидит с квадратными глазами за лэпом. Собственно, он тебя и позвал. Чай будешь? У меня тут термос.

Краб налил мне в подобие кружки горячего ароматного напитка. Ох, люблю я этот вкус, секрет которого, наверно, до конца жизни никому они не расскажут. Мы двинулись в направлении небольшой комнатки. Хлебать на ходу было про-

блематично. Я то и дело обжигал пальцы.

Что надо программисту кроме стола и стула? Кто-то скажет – лэп. Нет, лэп при нем от рождения. Старая студенческая шутка с бородой до колен. Но в данном случае, это первое, что приходило на ум. В небольшом помещёнии была аскетическая обстановка, оно явно не предназначалось для частого использования. Свет был слабее обычного. Веслав, облокотившись на руку, неспешно просматривал охранные логи. Были на визоре и другие слайды: коды, визуалка, чертежи. Он не отреагировал на наше появление сразу. Лишь спустя пару минут он медленно повернулся к нам в крутящемся кресле, не меняя позы, и стянув за одну дужку очки, протяжно сказал: «Мда!»

– Веслав, – Краб растряс его за плечо, – Малой уже здесь. Давай, не томи. Мне не терпится узнать подробности.

Веслав, как всегда был опрятен. Он сидел в неновой, слегка помятой, но чистой рабочей куртке, у которой были застёгнуты всё её многочисленные карманы. Вообще, весь его внешний вид говорил о какой-то внутренней собранности. Никогда при нём не было ничего лишнего. Как он определял, что и когда ему нужно при таком невообразимом количестве необычных заданий, меня всегда удивляло. При всей постоянной неубранности помещёний он умудрялся почти

не пачкаться. В сравнении с Крабом можно было порой подумать, что тоже здесь в командировке. Но это было, конечно, не так, это место он любил и просто относился к нему со всем уважением данным при воспитании. Но вообще-то и в других местах его другим не видели.

– погоди ты, – Веслав отклонился в сторону и протянул мне руку, – Привет, Бит! Тут видишь какое дело. Тебе Краб, наверно, наговорил всяких небылиц. Машина сбежала и так далее. Ты ж сам понимаешь – это бред сивого мерина. Видишь скалится, это я про него. Главный компьютер этой машины получил задачу исследования внешнего периметра со стандартными тестами окружающей среды. Вот я тебя здесь спрошу, Бит, нам, как думаешь, это надо?

– Да, кто вас знает? Может вы тут на спор гонки устроили на полевых машинах, – попытался я пошутить, но никто не отреагировал.

– Он ещё шутит, – осклабился Веслав, – смешно. Но я думаю ты сам понимаешь, нам во внешке исследования ещё на сто лет рогом не уперлись. Нам тут под землей кремневые штольни копать, не перекопать. Космос без кремния, как дева без гребня – так, кажется, в фольклоре? Плановый заказ Лиги и так далее, и даже всё такое. Да, что я тебе, как ребёнку? Лыбится сидит. Не, ты глянь, на него. Короче, па-

ря, знаешь, кто машинку-то погулять отправил? Твои, универовские!

– Да, ладно, – бровь Краба задралась вверх, – неужто на Парнасе есть кто по умней тебя, Битик?

Я не знал, что сказать. Первую секунду я думал, что приехал сюда в это кремневое логово зря. Местная система дала неправильную задачу. Два добрых молодца не смогли с наскока разобраться. Хотя это и вызывало некое подозрение. Веслав, хоть и не совсем прогер по специальности, из природного любопытства знал многое, чего не знали порой и уже начавшие практику кодеры. А знать бы должны были из любопытства профессионального. И Веслав не лажает. Он очень долго будет копаться в трех байтах, но результат будет всегда точным. Да, и он – не Краб. С проф-юмором у него полный ноль. Во как смотрит, как сыч голодная на мышь. Второе, что пришло в голову – нелепость происходящего. Адреса процессоров здесь могут быть только местные. Ни один адрес Парнаса не может выйти за его пределы. А чтоб адрес ещё и задачу отдал? Тут явно пахло мистикой, или запредельными возможностями в университете. И сходу не прослеживалась цель. Что они, хакеры-недоучки, за двести километров машину угнать хотели? Да, если надо, в городе можно угнать. А здесь-то что? Или они думали машина уедет бесхозно в гранитную глушь и они её там подбе-

рут для неведомых опытов? Так это её ещё найти там надо уметь. А добираться до неё как? На другой угнанной машине? Эта теория с неизвестным человеческим фактором имела путаный след. Правда, ещё третья мысль прошла тенью по логическим закоулкам. Но я ее отогнал, как совсем фантазмагорическую и невозможную вовсе.

Ясно было одно, надо было всё проверять. И с Веславом мы засели на полтора часа, пока я сам точно не убедился, что адрес мой. Теперь это точно было моё дело. Надо было начинать общую двустороннюю проверку. Но мне, не смотря на цифры, все равно не верилось, что это так, как выглядело. Я не мог себе представить логическую цепочку, протянувшуюся от Парнаса до кремневых рудников. Я запустил два проверочных протокола, один из которых был мой собственный. В паре они ещё ни разу не подводили.

До завтрашнего дня здесь делать было нечего, да и завтра сюда можно было не ехать, так как я дал доступ внешнему каналу связи. Но время оставалось. И можно было всё-таки взять стаканчик «Черного града», но мысли мои отвлёк карманник. Я вытащил его из кителя, посмотрел на экран и сразу понял, что последние два часа здесь провел точно зря. Выходило, что вернуться назад было более срочно, чем добраться сюда.

Я гнал назад как можно быстрее, наврав Веславу, что делаю так всегда. Автопилот выбрал бы более оптимальный путь, сэкономив топливо и излишне не перегрузив ходовую механику машину. Но в данном случае, мне это не подошло. Расправив невидимые крылья, нужно было мчаться к Парнасу. Веслав сидел тихо, изредка спрашивая что-нибудь неважное, и выглядел спокойным. После наших протокольных изысканий, или, лучше сказать, копания в выгребной яме, он попросился со мной в мегаполис. Он сидел на сидении справа от меня, временами поправляя очки на переносице. Это было понятно – дорога была не совсем ровной.

А в остальном мне было много чего непонятно. До конца этой дороги у меня есть время обдумать всё произошедшее. Интуиция говорила, что выводы делать пока рано. А значит, надо спокойно ещё раз всё проглядеть, что имелось к данному моменту. А имелось вот что.

Вчера ночью некто из самого большого и единственного университета инфотехнологий или из самого большого, потому что единственного научно-вычислительного центра, обойдя все составленные мной протоколы безопасности, соединился с горнопромышленным комплексом подземного типа, читай кремниевым рудником. Кроме моих церберных программ он ещё поставил на свои рельсы все нужные ему местные средства связи. Далее из всех объектов этого бес-

крайнего предприятия он выбрал ни старую, ни новую, но тем не менее полностью оснащенную полевую машину для работ с гранитом (ПМРГ), поставив ей задачу выехать с территории. Конечная точка маршрута задана не была. То есть задача была пройти контрольно-охранный пункт на выезде из ангара. Кстати, там ещё метров двести подъемной дороги до поверхности. Как некто намеревался держать связь с машиной на поверхности непонятно. В принципе, гранитное плато над рудником истыкано небольшим количеством дельта-вышек для обеспечения связи между штольнями по равнине. Сеть этих вышек преследует цели только самого предприятия и для внешних гостей не предназначена. Хотя так или иначе связана с внешним каналом на мегаполис.

Что удалось узнать о цели этого неудачного предприятия? Угон машины – конечно, бред. Удаленно угонять спец-технику на гранитном плато. Любая летяга найдет его в момент. Трюк ради взлома. Вот это теплее. Некто хочет попробовать свои силы. И выбирает объект за двести километров. Неплохая цель для теста на хакерство. И тех, кто способен на такое можно так или иначе вычислить, добраться бы до Парнаса. И третий вариант – самый тревожный, а если подумать, то и страшный, это сделано лишь для того, чтобы я сюда поехал. Мой карманник мне об этом говорит почти что человеческим голосом. Но чтобы это проверить надо быть там, в центре университетской сети. На месте администратора всей

парнасовской связи. На моем рабочем месте. И я ещё раз пожалел, что кроссдезер не едет быстрее.

Видимо, я был долгое время погружён в себя и не заметил, что Веслав уже довольно давно и пристально смотрит на меня. Он, наверно, тоже о чём-то думал, так как губы его уже до предела сморщились, как будто он только что до конца распробовал лимон.

– Слушай, Битвайзер, – спросил он, когда я обернулся на него, – а что хакерство ещё себя не изжило? Ты ведь там в университете видишь тех, кто учится, сам, наверно, преподаешь. Ты ведь чувствуешь, что у студентов на уме. Я думал, хакеры уже минувшее прошлое. У них же идея-то была – неограниченный айтишный контроль. Но суть в том, что дальше этого никто не шагнул. В том смысле, что если предположить, что контроль есть, то сразу встаёт второй вопрос, а что с ним делать? Тем более он не постоянный. Технологии меняются, ты вон сам свою систему меняешь постоянно. Вот получил ты доступ ко всему, ну, положил себе в карман сколько хотел или взял, что искал, то есть удовлетворил свою личную потребность. А дальше? Так как ответа никто не нашёл, то и пробовать перестали. Свои мечты исполнить можно и без этого. Как думаешь?

– Любопытство. Человеческое любопытство неисчерпае-

мо. Сам разум неисчерпаем. И поэтому, чтобы мы там не сетовали, всё равно найдётся тот, кому нужно будет больше остальных. Потому что он любопытней. Нет?

– Любопытство тоже ведь дойдет до какой-то границы. Будет ли это страх, предел терпения или предел физических возможностей. Боль, наконец. Что-то же может ограничить любопытство? И что тогда? Так ли неисчерпаем разум?

– Но если человек развивается, то есть не останавливает развития, то боль можно научиться преодолевать, пределы физические расширить, терпение и страх могут быть подчинены воле. Так что получается принципиально? Есть ли настоящие тормоза для человека?

– Смерть хороший тормоз. Безупречный. И неотъемлемый.

– Веслав, что-то грустно звучит? Тебе лет-то сколько? Не рано ли задумался?

– Если об этом не думать, то можно прожить значительную часть жизни в иллюзии, что жизнь бесконечна. А можно помнить об этом каждый день. В каком случае человек рациональней распределится временем?

– Если помнить каждый день, то депрессия сломает тебя быстрее, чем ты сделаешь что-либо, как ты говоришь, порациональней. А не чувствуя смерти, можно творить с чистой и легкой душой.

– Не чувствуя смерти, можно пробездельничать хоть всю жизнь.

– Видимо, мы смотрим на одно и тоже с разных сторон. Ты вот лучше скажи, почему до сих пор очки носишь?

– В семье по мужской линии всегда все носили. Даже когда коррекция появилась. Так и носили ноль на дужках. Дед в память о прадеде, отец в память о деде и так далее. Традиция своего рода.

– То, что твоего рода, я понял!

Веслав улыбнулся, шутка ему понравилась. Он был мне симпатичен, такой немного нескладный, но всегда серьёзный. Вроде не сильный, но никогда ещё я не слышал, чтобы он что-то не доделал вовремя или кого-то бросил без помощи. Он был силён духом. Чувствовалась в нём какая-то переданная поколениями интеллигентность, несмотря что в айти он не слишком преуспел, а считал это своей профессией. Даже глядя на свои недостатки, гордость в нём была

и непреклонность в собственных убеждениях перед лицом времени.

В полисе он попросил остановить недалеко от Парнаса перед каким-то кафетерием. Он несильно пожал мне руку, закинул через плечо сумку с лэпом и пошёл немного тяжело-ватой походкой в направлении двери, собирая на плечи мокрые снежинки.

Я немного посмотрел ему вслед, потом закрыл глаза и, помассировав лоб, на миг провалился в полное отсутствие мыслей. Потом медленно открыл веки и, нажав педаль движения, погнал дезер на верхнюю парнасовскую стоянку для университетских машин.

Глава 2 (пятница) Парнас

В университете было как всегда хорошо. Прохладный свежий воздух, постоянный шум различных разговоров, яркие и пёстрые вереницы студентов всевозможных факультетов и отделений. И ни один не похож на другого. Всё время они торопятся то на лекцию, то на плановые тесты, то на практические опыты. Всё время сумка через плечо или рюкзак, с увесистым лэпом или стопкой мимолётной распечатки, или с архаичными книгами из самых дальних архивных помещёний самых нижних этажей.

Движение в этом постоянно светлом стоэтажном непомерно разросшемся здании из гранита и стекла было непрерывным. Даже ночью то и дело по этажам сновали люди. Кто с озабоченным видом в одиночку, кто в компании с шутками и хохотом, готовым обрушить потолок из-за хорошего эха в пустынном коридоре. Коридоры универа! Это была территория свободы. Это в кабинетах, аудиториях, лабораториях и ещё с сотню других различных видов помещёний необходимо было вести себя в соответствии с обстановкой, работой или имеющимся там коллективом. Но коридор был общей территорией для всех и, по негласному закону, вести себя там можно было, как угодно. Каждый знал, что любая дверь,

а уж тем более стена – звуконепроницаемые, и, следовательно, помешать, находящимся за ней, было невозможно. Тем более после того, как все зашли, двери ещё и запирались. Так что, по-большому счёту, об неё можно было хоть убиться – те, кто внутри, всё равно бы ничего не почувствовали.

Но здесь в коридорах между лекциями от одной аудитории к другой можно было идти с гитарой, горланя неприличные песенки, подмигивать любому встречному и, если надо, повиснуть на плечи к первым попавшимся из рядом стоящей компании и вступить в спор.

Иногда, уже ночью, на полу изредка можно было увидеть спящего с сумкой под головой. Если это был кто-то университетский: студент, практикант или умаявшийся лектор, то охрана никогда не выпроваживала его и даже не будила. Все общие входные двери никогда не запирались и после официального закрытия охранники следили лишь за тем, чтобы остались только свои.

Я всё это любил. И каждый раз проходя по коридорам меня обдавало ветром этой студенческой жизни. Конечно, это был университет, с его исследованиями, защитами дипломов, представлениями последних достижений, но ветер для меня создавало лишь студенчество. И хоть сам я студентом уже не являлся и выбранное образование освоил, покинуть

это здание мне не хватало духу. Не мог я, может быть пока, найти ему замены. И не мог покинуть этой атмосферы, где интеллектуальные побоища в лекционных залах велись параллельно с безалаберностью и безответственным прожиганием времени коридорных корифеев. Неясно откуда и кто приволок этот термин, но тех, кто кроме коридорной жизни не вёл никакой научно-познавательной, называли именно так. Звучало, как масло масленое, зато хорошо передавалась суть.

Корифеев на моём теперешнем пути к лифту видно не было. В студенческих кителях уляпанными различными нашивками в конце этажа частично стояла, а частично и сидела, компания человек в десять. Они громко спорили о каком-то программном алгоритме. Кто с волосами длиннее плеч, кто с кудрявой шевелюрой, кто просто взлохмочен, кто брит, кто не брит, у кого рукава закатаны по локоть, у кого рукава, вообще, оторваны – но все скрючены над сидящем на полу второкурсником, который в противовес возрасту отпустил неполноценную бороду.

Подойдя ближе, я протиснулся сквозь них и свернул за угол. На меня внимания никто не обратил. Не всегда такое случается. Видимо алгоритм был действительно интересным. На этот раз из разговора никаких занятных слов в памяти не застряло. Мои собственные мысли сейчас доми-

нировали над всем. Я нажал кнопку вызова, лифт подъехал на удивление быстро. Там никого не было, я шагнул внутрь и не заметил, как ко мне присоединилась ещё одна пассажирка.

Нажав свой этаж, я обернулся и слегка вздрогнул от неожиданности. Передо мной стояла красивая девушка и улыбалась. Я сразу не сообразил, что что-то необходимо спросить.

– Вам какой? – секунду спустя спросил я, – здравствуйте!

– Мне тридцать восьмой, – мягко сказала она и ещё раз улыбнулась, – а вы, Битвайзер?

Ну, что ж такое? Может китель совсем носить перестать. Оставить лишь значок ит-специалиста. А шеврон админа куда деть? Перешивать с рубашки на рубашку. Но ведь не только в этом дело. Носить универский китель любого из тридцати покровов дело чести. Снять его всё равно, что отказаться от парнасовской жизни. Порой в нём неудобно, бывает жарко, поэтому ему и рвут рукава. Но никто не снимает. Если ты выйдешь в полис пусть в самом ободранном, запущенном и распоследнем кителе самого низкого ранга, то есть студенческом, прохожие или работники какой-то из сферы услуг, держатели кафешек или музклубов – всё равно кто, но кто-то из них, вежливей, чем остальным предложит пропустить

стаканчик кофе, или лишний раз пропустит вперёд себя, не смотря на разницу в возрасте, или просто уважительно на полсекунды дольше задержит на тебе взгляд. Городское уважение чувствовалось всегда на университетских. Город знал, что это именно они двигают технический прогресс дальше, тем самым создавая условия остаться в Лиге и, вообще, на этой планете.

Мой же китель не особенно отличался от остальных. Несколько нашивок особенно дорогих мне ветвей информатики, нашивка клуба стрельбы из лука, первый марафон – это не считая официальных знаков отличия. Нашивка “Белое перо”. Ворот уже перетёрт, но это ещё лучше, чем новый. Манжеты расстёгнуты, повёрнуты и обтрёпаны. А это, вообще, классика! Но так ничего особенного. Таких, как я, здесь тысячи.

Но по каким-то причинам за неделю находился хоть один студент, кто спрашивал меня о моём имени. Я даже на двери своей лаборантской написал “Битвайзер” и ниже более мелко “администратор”. В надежде, что видя постоянно меня около этой двери, проходящие разнесут это остальным, кто хочет знать, как я выгляжу, и меня перестанут об этом спрашивать.

– Да, это я, – ответил я, как можно скромней. Третьекурс-

ница придерживала одной рукой сумку, напичканную, по-видимому, какими-то бумагами, другой теребила длинный тёмный локон своих пышных вьющихся волос. Одета была красиво и была очень даже ничего. Добрая половина университета, сочла бы её симпатичной, вторая половина бросилась бы ухаживать, дала бы только намёк.

– Меня зовут, Энжела, – она протянула мне руку с длинными тонкими пальцами. На одном из пальцев было небольшое колечко. Она с интересом смотрела на меня. Чувствовалось, что хочет что-то спросить, но почему-то медлила. Я решил ей немного помочь, трудно не помочь, когда тебя ищет такая привлекательная особа.

– Вы меня узнали или спросили наугад? – попытался заполнить паузу я. Она хитро улыбнулась вместо ответа.

– Значит, узнали, – завершил я.

– Да, я про вас многое узнала, – улыбнулась она ещё раз. – Ну, может не так много! Приятно познакомится!

– Взаимно, – ответил я, – да вы не смотрите так. Спрашивайте! Мне очень часто приходится отвечать на разные вопросы. Должность такая. Или я ошибся, и спрашивать вы ничего не хотели?

Она ещё раз улыбнулась, и я почувствовал, что лифт опускается медленней. Хотя, конечно, дело было не в этом. Я просто не мог ей также искренне улыбнуться в ответ. Мои мысли были в этот момент совершенно в другом месте.

– Да, я хотела. А вас можно спрашивать не о работе? – она слегка ладонью прикрыла лицо, как бы останавливая другие вопросы и извиняясь за этот. Всё-таки помогать людям говорить я был явно не мастак.

– Можно и не о работе. Вы же, надеюсь, не думаете, что всю жизнь я только и делаю, что сижу, не вылезая, в своей лаборатории. Есть у меня интересы и помимо неё. Но подождите немного. Я сам могу вас спросить? Хотя, нет. Я просто скажу, что не представляю, где наши интересы могли пересечься, кроме, конечно, работы. Но вы продолжайте, я слушаю.

– Хм..., – она слегка прихмурила левую бровь, но через секунду просияла, – я учусь на отделении графического дизайна и ещё интересуюсь журналистикой. Знаете, в этом здании просто неопишемое количество молодёжных групп, клубов, команд. Я уже не говорю про товарищества. Очень редко партнёрские соглашения. Большинство из них открыты. Можно сказать, почти все. Никто и ни от кого не скрывает, зачем организована та или иная группа. Какие там правила или устав, или ещё что. Знаете, людей много и мыслей тоже. Я всем этим заинтересовалась, когда сюда поступила. Это очень интересно узнавать вместе с профессией. Столько форм людского общения! Я уже точно и не помню, в скольких клубах я состою. И в скольких состояла!

В этом месте она непроизвольно засмеялась тонким коротким девичьим смехом. Кому-то повезёт видеть такую улыбку каждый день. Говорила она довольно быстро, но не сбивалась. Смотрела проникновенно и глубоко, прямо в глаза. Глядя ей в ответ, в ней самой читалась такая искренняя любознательность, которая могла граничить одновременно и со страстью к непознанному, и коварством с целью получения искомого ответа. Она говорила о том, что ей интересно. О том, как люди довольно разного склада ума и характера находят общий язык для совместного дела. Хобби у неё такое с детства – узнавать, как же мы общаемся. А тут прям оазис людского общения. Поэтому и пошла ещё на журналистику, чтобы научиться правильно писать исследования по поведению людей. Я слегка утонул в её тёмных глазах и отвлёкся, и вынырнул только, когда прозвучало название группы нашей собственной.

– “Белое перо” – закрытая группа. Обычно всё равно что-то известно: чем занимаются, кто входит, что в итоге получилось. А про вашу неизвестно ничего! Кроме нашивки. Вот я и подумала, может спрошу прямо. Может нет никакого секрета, может просто никто до меня и не спрашивал?

Вот, значит, в чём дело. Я машинально кинул взгляд на китель. Синий круг, через который было диагонально, по-

писательски ткнутое в край прорисовано старое потрепанное перо, находился у левого нагрудного кармана. Энжела заметила этот жест, и машинально коротко и недолго мне покивала, подтверждая, что я правильно её понял. Я легонько вздохнул.

Обычно в этом месте я начинаю лепить нечто немислимое. Горожу такое, что задавший вопрос к концу ответа готов уже вешаться. Иногда, в лёгких случаях, можно свернуть на юмор или махнуть рукой – вроде, как ерунда, не стоит даже и говорить. Можно сказать нечто общее, такое общее и всеохватывающее, как если бы каплю варенья хотели бы размазать на всю тарелку. Человек разумный после такой тирады обычно, вежливо поднимал бровь и смотрел на тебя, как на сумасшедшего. Или можно было завернуть аллегорию, но это только срабатывало, если вопрошающий был склонен к романтике.

Но с ней я чувствовал, так просто не отвертеться. Во-первых, враньём не хотелось оскорблять интеллект, который из неё явно шёл напролом. Во-вторых, уже из-за красоты вопроса, да чего уж там и просто из-за красоты, врать не хотелось. В-третьих... А надо ещё что-то третье? Или лифт сегодня ползёт, как хамелеон на охоту, или она слишком быстро говорит, чтобы получить ответ до того, как остановится эта стеклянная коробка. Я почувствовал себя немного пойман-

ным. Да, тут можно было надеется на личное обаяние. Точнее на отсутствие такового.

– Вы знаете, Энжела, как раз наоборот! Сколько раз меня об этом спрашивали – не счесть. И вы даже не представляете, кто были эти люди! Ректор прикладной нейролингвистики, завкафедры полиномных вычислений в реляционных базах данных, третий заместитель мэра на открытии второго спортивного крыла, первый помощник директора парнасовского сетевого администрирования, охранник с седьмого этажа, две парикмахерши и одна представительница комфорт-сервиса, когда после автостирки мне не вернулся мой берет. Без наличия берета, знаете, бывает иногда очень печально. Осень, тебе хочется отвлечься и пройтись по улице, а там холодно, и берета нет. Кстати, ваш этаж.

– Вообще-то, это не мой, – она нажала кнопку закрытия двери, – я, так и быть прокачусь до вашего. То, что вы мне тут сказали – очень вежливо, но я и сама могла бы такое навыдумывать. То есть, всё это – секрет. Научная работа? Общий интерес? Способ развлечься?

– Секрет – есть секрет, уважаемая Энжела, – я старался тянуть слова, но она меня оборвала.

– Никакая я вам не уважаемая! Вы же со мной говорить не хотите? Думаете, я не так компетентна и не пойму? – бровь опять выдала, что она сердится.

– Нет, я в вас нисколько не сомневаюсь, – начал было я,

но она меня опять перебила. И лифт, как раз, доехал.

– Дайте карманник, вот вам моя визитная карточка, – она приложила свой почти такой же сверху и мой сверкнул полученным сообщением, – меня вы можете найти в литературном клубе “Стихийное творение”. Если передумаете или сочините что-нибудь. Приятно было познакомиться!

Она ещё раз протянула мне руку и я ещё раз её пожал. Видно было, что всё же я её немного оскорбил. Хотя может и нет, но расстроил точно. Она не стала выходить на моём этаже, дождалась пока я выйду, и отправилась, видимо, на свой. Я с секунду посмотрел на закрытую дверь, развернулся и пошёл в направлении двери администратора. Всё это в другой день выглядело бы нормально, но сегодня было странно. Надо было спешить к рабочему столу.

Глава 3 (пятница)

Парнас. Лаборатория.

Пройдя коридор и влетев в кабинет, я бросил китель на вешалку и плюхнулся чуть не с разбега в кресло. Один за другим повспыхивали визоры моего центрального лабораторного компьютера. На всякий случай через плечо я крикнул двери включить блокировку.

Внутренне собравшись, я прочитал адрес вслух, проверил, правильно ли меня понял голосовой детектор, включил собственный поисковик и отдал команду на розыск. Необходимо было установить точное местоположение процессора на Парнасе. Если сильно повезёт, он мог быть из стационарных кабинетных или лекционных компьютеров. Или ещё какой, но не мобильный. Если это лэп, то придётся за ним ещё и побегать. С территории его, конечно, не вынесут. Но найти придётся постараться.

Компьютер принялся за работу, а я, глядя на визор, на какое-то время перестал его видеть. Мысли во мне нащупывали нечто смутное, что ощущать не так уж и хотелось. А чего хотелось? А хотелось, кстати, присесть. Вся эта поездка

от шахты назад, разговоры с Веславом и встреча с незнакомкой в лифте не давали возможности посидеть спокойно, без мысленной суеты. Я придвинул своё кресло и с удовольствием сел в него. Ждать результатов, откинувшись на мягкую спинку, было намного приятней.

Поисковик сканировал все возможные узлы связи Парнаса с целью обнаружения следов в логах. Задачу выполнял мой лаборантский комп. Он был усилен мной до возможных пределов, но всё же с центральной университетской системой был сравним, как сторожевой катер с линкором. Но в эту систему отдавать запрос не хотелось. Тогда там могут остаться следы моих собственных поисков. Их удаление тоже в принципе дело возможное, но нужно будет задействовать администрацию уже среди людей. И после всего необходимо будет убедиться, что все документы по этому запросу должны быть похоронены в архиве. Но на этом пути такое большое влияние человеческого фактора, что варианты развития событий представляли собой бесконечное множество. Я уже не говорю о последствиях. В общем, лучше мы тихо, но сами.

Размышлять в кресле было на удивление удобно. Это я подмечал за собой уже много раз. Запрокинув голову к потолку и покручиваясь из стороны в сторону, мне приходили порой замечательные идеи. Правда, однажды за таким за-

нятием одному студенту на голову обрушился светильник. Не помню, где слышал об этом. Хотя враньё, наверно. Очередная общежитская байка. Сейчас на голову мне идеи не сыпались. Хотелось элементарно отдохнуть. Весь предыдущий день – четверг – я провёл на лучном турнире, постоянно на ногах. И отоспаться у них там в палатке тоже нормально не удалось. И возвращаться на работу из-за этого вызова на рудники пришлось раньше намеченного. Одним словом, что ноги, что голова в кресле сейчас отдыхали одинаково. Хоть размышления и продолжались.

Искомый компьютер сам по себе особенно ничего не значил. Имело значение лишь то, кто им пользовался. И когда. Как это установить будет видно по обстановке. И придётся общаться с людьми. Ох, уж мне эти люди! Придётся устанавливать правду. Вот именно поэтому с людьми только охать и придётся. И всё нужно провести гладко, без тени подозрения. И самое сложное – в одиночку. Вряд ли я кому-то могу довериться в этой ситуации. Вычислять хакера придётся самому, и тут помощников у меня нет никаких. Да, и в конце концов это дело принципа. Админ против хакера. Когда ещё такое было? В качестве студенческого соревнования – да. Рубились нещадно не раз. Но здесь всё было серьёзно и по-настоящему. И самое главное не прослеживались определённые мотивы. Ну, да и до них дело дойдёт. Человек, проделавший такую работу, явно делал её с какой-то целью. Най-

дём, присмотримся, выясним.

Тут я вспомнил о кофе. Мой лаборантский кофейник знал только десять рецептов приготовления. Из них достойных для меня было только два. Их названия я придумал сам, от скуки, и с действительными рецептами они никакой связи не имели. Один был “Домкрат”, это чтоб поднять с постели, если пришёл за кофе, но так с неё и не встал. И второй “Яблочко”. Имя шло от мишени для стрельбы, чёрный кружочек в середине был небольшим, но очков за попадание приносил больше всего. Попадая в яблочко, стрелок мысленно или материально всегда получал приз. В случае с кофе – это был взрыв ясности в голове. Метясь в яблочко, стрелок высаживал порой всю обойму по краям мишени, не достигая желаемого результата. И тут тоже иногда можно было выпить хоть пять порций, но вместо внезапного осенения впасть в адреналиновый тупняк. Который лечился в итоге всегда только крепким сном.

Поэтому “Домкрат” был в самый раз. Я достал карманник и ещё раз прочёл сообщение. “От: Кристальный город. Несанкционированное удаление файлов. Жёлтый.” Меня будоражило практически каждое слово.

Кристальный город должен сейчас спать. Он не может слать мне ничего. Из состояния сна это просто невозможно.

Значит, город не спал. А разбудить город могу только я. А Грин, Бертыч и Градский могут это сделать только в определённое время. Сообщение по времени с ними не совпадало. Да и не надо им там ничего стирать. Для них город не часть информатики. Они же ни черта там не знают с точки зрения программирования. Но, а если с самого начала?

О городе знаем только мы. Это, во-первых. Мог ли кто-то из них добраться до моего доступа? Теоретически, да. Но практически у меня нет столько фантазии, чтоб это представить. Чтобы высокий Грин положил мне руку на плечо, пригнулся, посмотрел на меня своими зелёными глазами, и проговорив: “Битик, что-то коды твои лажают сегодня, я тебе давно говорю, слезай с кофе, переходи на зарядку!”, загнал мне червя в карманник? Это какой-то спектакль с уклоном в сюрреализм.

Или двое других начинают дуэль на словесных рапирах:

– Битвайзер, ты какой бит в байте младший или старший?

– Да нет, он самый умный! Ты что по-английски не читаешь?

– Как может быть бит умным, если он или единица, или ноль?

– Если умный, значит единица, не ноль же, сам понимаешь?

- А если у нас ещё один бит-единица?
- Единица – значит один. Обнулится от одиночества!
- А наш как же?
- Так, а мы на что?

И пока я, улыбаясь, закрываю глаза ладонью, чтоб отгородиться от всей этой ахиныи, зная, что у них просто появилась пауза при перезагрузке, они смотрят мне через плечо, чтобы запомнить, что у меня на экране? Такое вообще возможно? Надо быть полной скотиной, чтоб так думать о друзьях.

Конечно, всем нам нужно собраться. Но сегодня пятница, и у нас так и так посиделки. Так что не будем торопить события. Вместо вольной философии и спонтанной метафизики будет конкретная тема для беседы. И вместо кисленьких клюквенных коктейлей горячий чёрный шоколад. Сладкое стимулирует ум. У кого имеется, если говорить до конца.

Так что там адрес? Нашёлся? Глянем. А вот и результат. Ай, да мы! Компьютер стационарный, определён по типу сетевого носителя, скорее всего лекционный, текущее местоположение WRE-7412. Даже так. Точный номер аудитории. Иди и проверяй хоть сейчас. А сейчас что за час? Обеденное время прошло, но ещё какие-то занятия идут. Ещё сегодня можно успеть выяснить что-то о тех, кто рядом с этим компьютером. WRE? Где это вообще? Я набрал поиск ауди-

тории. Хм, не так уж далеко. Отделение физики, факультет связи. Связисты значит. Хорошо, не будем медлить. Допиваем кофе и вперёд.

На всякий случай я решил прикинуться студентом. Кто его знает, с кем придётся столкнуться. Если придётся вливаться в какую-нибудь студенческую группу или клуб, то лучше быть им ровней. Надо было переодеться, и тут мне помог мой одёжный резерв, который нужен мне был из-за моей неряшливости и хранился в небольшой коробке. Вечно я чем-нибудь пачкался в кафе или обрывал пару пуговиц, зацепившись за что-то.

Поэтому к кителю на вешалку добавились приличные брюки, и из резервной одежды были выбраны потёртые джинсы, порезанные бритвой в некоторых местах. Старая гвардия, так сказать. Рубашка годилась, так как была итак не ахти. А китель я достал студенческий.

Мой последний студенческий китель хранился среди прочей запасной одежды. Он был усеян нашивками разной величины, формы и цвета. В основном это были особенно ценные для меня предметы, которые я учил и принимал также участие в виде соревнования по ним с другими студентами. Была парочка клубных. Китель был выцветшим, затертым донельзя, на правом рукаве был содран карман. В целом, ни-

чего приметного. К шестому курсу обычно у всех кителя были такие.

Самое главное – я оставил себе шеврон четвертого курса. За потерю знака отличия обычно назначался штраф, который записывался в студенческий кредит. За шеврон я кредит отработал, так что теперь он был в моём полном распоряжении. За ним тянулась романтическая история личного характера, в противном случае мне и в голову не пришло бы оставлять его себе. Но как оказалось потом, иметь запасной знак отличия было очень кстати. Например, можно было и дальше принимать участие в соревнованиях со студентами, без лишних взглядов вступать в самые разные споры и беседы самых невообразимых компаний. Или как сейчас – незаметно наблюдать за кем-то из пестрой коридорной толпы.

Итак, я был готов. Для лихости я надел ещё очки с легкой тонировкой. Вдруг кто надо не узнает. Перекинул через плечо сумку с лэпом и ворохом уже позабытых бумаг. Но прямо на пороге меня остановил карманник. На этот раз он звонил и требовал ответа. Когда я увидел звонящего, а точнее звонящую, понял, что ответ не требовался, он должен был мгновенно сформулирован в самом точном, подробном и максимально развернутом виде. Звонила глава секретариата, правая рука директора нашего отделения, мой непосредственный работодатель Альбина Лягрос, очень милое лицо

на визитном фото и неостановимый высокоскоростной локомотив в жизни. С ней медлить было нельзя и поэтому я, исключив на всякий случай видеосигнал, с неизменным замиранием нажал кнопку принятия вызова.

– Добрый день, администратор, – тон был слегка шутлив. Она всегда не выносила меня звать по имени или прозвищем. Хотя могла. В студенчестве мы были коротко знакомы, но она была на курс старше и не считала меня ровней, хоть этого прямо и не говорила, я всегда читал это по взгляду. – Ты чем сейчас занят? По плану у тебя диагностика, это подождёт. Тебе надо ко мне зайти. Сегодня. Если не занят, то лучше сразу. В общем, буду ждать до конца дня. А ну сразу, так сразу. Жду.

Я знал, что это по пути. Долго она у себя не держит. Высокая скорость её интеллектуальной жизни не терпела долгих бюрократических разбирательств, особенно с подчинёнными. Она умела пропускать через себя огромное количество проектов, завязывала тысячи деловых знакомств, которые так потом нужны были Парнасу, канцелярия её отдела считалась лучшей у нас. Её подчинённые пищали от восторга прорабатывая для её просьб лишние часы, а директор в ней души не чаял и тихо благоговел, радуясь тому что можно заниматься на своём месте исключительно наукой. Я тоже пищал, так как у неё было – меньше слов, а больше дела. Я

вышел в коридор и захлопнул дверь.

Глава 4 (пятница) Парнас. WRE

Я торопился. В аудитории WRE-7412 начиналась лекция. Это я выяснил на ходу при помощи карманника. Притворившись студентом, я хотел немного побыть в атмосфере тех людей, которые на неё ходили. Хотя, конечно, не факт, что хакер посещал именно этот предмет. Лекционные помещения к предмету не привязаны. Но чем чёрт не шутит. В любом случае это даст необходимый настрой. Надо же теперь быть студентом, поэтому стоило слегка влиться в общество.

Я пришёл вовремя и сел с остальными. В зале набралось человек шестьдесят. Лекция была об ультракоротких волнах. Все негромко шумели, некоторые достали ноутбуки. Пока лектор не пришёл, и пока не пришлось положить очки в нагрудный карман, я разглядывал студентов. Четыре парня и две девчонки в стороне от других, судя по жестам, что-то бурно обсуждали, но отчётливо было не слышно. Одеты они были ярко и вразной. В основном мелькали улыбки, видимо, дело было несерьёзное. Поодаль от них беспечно хихикали трое молодых людей, то и дело по-заговорщицки указывая вперёд через несколько рядов. Там, куда то и дело вздымались их руки, строго и немного напыщенно сидела парочка в черных костюмах на светлую рубашку. Их безуко-

ризенный вид не очень вязался с аудиторией. Но если бы это было и не так, то они, казалось, исправили бы это намеренно. Разумеется, никаких кителей такие люди не носили в принципе. Но это было ещё не всё. Не так далеко от них три впечатляющих девицы вели неспешный разговор, практически не отвлекаясь не происходящее. По их взглядам, я бы сказал, что речь идёт о чём-то очень женском. Те двое, не смотря на привлекательность юных дарований, внимания на них не обращали. Зато какой-то скромняга на краю ряда, то и дело косился на одну из той очаровательной компании.

Потом открылась дверь, все понемногу утихли и в аудиторию стал пятиться спиной, видимо с кем-то прощаясь, высокий человек. По его одежде можно было догадаться, что именно он будет читать лекцию. Но когда он повернулся лицом к аудитории, я весь подсобрался и одновременно сделал всё, чтоб ничем себя не выделить. Я оставил очки и сел так, чтобы меня не особенно было видно из-за впереди сидящего студента. Лекция началась.

На большом визорном экране мелькали какие-то графики и схемы. Я не сводил глаз с лектора, но видел не его, а раз за разом возвращался к ещё живым воспоминаниям о разговоре с Альбиной.

Вот я снимаю перед её дверью нелегальный шеврон и оч-

ки, вот я захожу. Её сразу не видно, она что-то ищет в нижнем ящике стола. Но это длится всего секунду. Через мгновение она садится ровно на стул, поправляет, как всегда безуспешно, свои шикарные белокурые длинные кучерявые волосы, кладёт обе руки на стол и жестом предлагает сесть.

– Здравствуй, администратор, – я сижу под её пристальным и лукавым взглядом, – я смотрела, чем ты занимался в течении прошедшего месяца. Диагностика локальных сетей, оптимизация маршрутизаторов, скорость передачи данных одного из отделений выросла аж на процент. Отличился на курсах программного языка Джей. Всех обошёл. Это ведь язык высшего уровня. Им программируют бортовые компьютеры Лиги. Ты в космос не собираешься? Нет! Прекрасно, тем лучше для нас.

Но вот скажи мне, ты без дела не сидишь, даже если дел никаких и нет. Тебя бы с твоим резюме взяли бы на любую исследовательскую станцию. Ты различных предметов прошёл по профессии и без неё, что в пору идти в науку и защищать очередное университетское звание. На поведение твоё жалоб нет, в общественной жизни ты участвуешь, часов практикума даже набрал. Но ты по-прежнему остаёшься сетевым администратором. Зачем тебе это – дело не моё. Не моё.

Но вот что моё дело – это знать, как такой сотрудник, как ты, умудрился перейти дорогу Полу Строугу. Младшенькому. У него другая специализация, он не программер. Я бы сама, не сходя с места, запутала бы его на раз-два, даже не углубляясь в язык Джей, о котором, я уверена почти наверняка, он даже и не слышал. И, тем не менее, он сегодня приходит и приносит мне кандидатуру на твоё место.

Специалист, судя по данным, действительно отличный и чуть постарше, немного безынициативный в обществе, раз за него просят, но это ладно, может нагнать. Но кто просит? Человек из другого отделения. Физик. Пусть и связи. Надеюсь, тебе не надо объяснять пропасть, между информатикой и физикой. Одно без другого уже многое время не может – это понятно, но это давным-давно параллельные Вселенные.

По сути, ты давно из своего места вырос. Но предпочитаешь быть здесь. Я бы может и взяла его, но тут дело принципа. Своих подчинённых я набираю сама. И все это знают. Но всё равно Пол Строуг Младшенький, не смотря на то, что он не специалист по персоналу и не ведущий спец в программировании, приходит ко мне, начинает вальяжную беседу не пойми о чём, приносит два приглашения с открытым именем на зимний бал, хвалит за успехи всё отделение, в том числе главу персонально и, напросившись тем самым на кофе в этом кабинете, как бы невзначай предлага-

ет якобы успешного и прогрессивного умного молодого человека в качестве главного сетевого администратора в целях более тесного сотрудничества между отделениями.

Да, наш главный после такого взял бы, не задумываясь. Но в моём ведомстве все люди подобраны человек к человеку. Мной. И если ты вдруг сам захотел уйти, то я ещё подумаю взять ли того, кого дают, хотя и то вряд ли. Да, даже не думала бы! Но если ты и не думал уходить, скажи мне, дорогой администратор, какого чёрта, ты сделал этому наглому и высокомерному, пусть и блестящему, молодому профессору? И не делай вид, что его не знаешь!

Мой растерянный вид ей, по-видимому, ничего не объяснил. С тем меня и отпустила. Я очень не люблю, когда моё начальство на меня сердится. Я бы с удовольствием не доставлял хлопот на свой счёт. Но раз уж так выходит, то придётся постараться и над этим. Ведь проблемы отделения от моих не отделимы.

И вот я на лекции, делаю вид, что слушаю, но на самом деле делаю всё, чтобы меня не увидел лектор – молодой высокий человек, слегка старше меня, в прекрасном светлом костюме с профессорским значком на лацкане пиджака, с манерами прекрасно образованного интеллигента, с чуть низким мужским голосом и отличной дикцией, увлекательно

погружающий шестьдесят человек в сферу ультракоротких волн, блестяще доводящий все предложения до логической концовки. Этот человек, чьи движения, взгляд и улыбка вселяют уверенность в выбранном научном пути. Человек, чья собственная дорога плотно усеяна вешками личных отмеченных достижений.

Впервые, мы о нём услышали в студенческом городке. Так уж вышло, что наша комната для проживания находилась в том же здании, что и комната, в которой проживал до не давнего времени и он. Однажды ближе к ночи нас пригласили на очередную битву вирусов в компанию с верхних этажей. Пока мы поднимались, народ кто стайками, кто по одному лез вперед нас наверх. В итоге на верхних этажах собралась довольно большая толпа. Мы решили выяснить, что же там происходит. Оказалось одного парня сняли с окна. Никто не мог понять хотел он прыгнуть или нет. Но он сидел с выпученными глазами устремлёнными в пустоту, тихо кивал густой рыжей шевелюрой и молчал. Помнится, его отпили этиловыми коктейлями. Даже, говорят, улыбался. Вообще, это очень нетипично для городка, поэтому, когда страсти улеглись, я прошёлся по этажу узнать, что же это было.

Как оказалось, в комнате они жили вдвоём с соседом. Были из одного потока, могли бы жить и отдельно, но вдвоём не так скучно. Сошлись интересами. Работали над диплома-

ми по схожим темам. Было о чём поговорить, поспорить, но друг другу не мешали. Как рассказывал до этого тот рыжий парень, однажды для каких-то опытов его посетила невероятная мысль. Вместе с соседом они её обсудили и нашли немного сложной. У него самого был назначен ряд других лабораторных мероприятий, и попробовать сразу не было времени. Но его сосед проявил недюжинное упорство, он сам провёл их чуть ли не в ночное время, заимев блат у старшего лаборанта. Добившись блестящих результатов, он изменил ход своей работы и подстроил всё под новый метод. Своему соседу ничего не сказал и защитился досрочно, получив наивысший балл за проделанный труд. Вытребовал патент, хотя был ещё не в праве его получать. На возмущенные вопросы обладателя рыжей шевелюры он отвечал, сменив тон на очень спокойный, что любая мысль в этом мире чего-то стоит, если имеет при себе поступки, и если сидеть, сложа руки, то ничего попробовать и добиться невозможно. Что касается авторства, то обсуждение было не по его инициативе и высказывалось, как чистая теория. Практика же в ней слегка отклонилась. И времени было у каждого одинаково – спать надо меньше. Всё это было, конечно, неприятно, но не ново. Споры за авторство всегда возникали периодически. Но тот рыжий так и не поднялся после этого случая. Через два года он стал корифеем, а потом и в коридорах его уже не было видно. А был отличный студент, как я выяснил потом в архиве. Один откровенный разговор, одно рукопожатие, одно

лишнее проявление сочувствия друга по комнате могло бы оставить его среди нас. Может он бы и простил или поостыл, поделись его сосед чем-то тоже. Или если не поделился, то хотя бы не бросил. Хоть бы отметить его пригласил, что ли?! А так, оставил его в смятении и на момент случая с окном с рыжим уже не жил. И говорил, что эта история уж точно к нему не имеет отношения. И что он не очень разбирается в чужих любовных похождениях. Рыжего тогда успокоили, но я его больше с того времени не видел.

Через семестр с небольшим после этого случая группа студентов работающих над уплотнениями вэ-образных полей после полугодовой серии экспериментов в течении полумесяца была расформирована, но в городке ещё долго носилось эхо сожаления о недоделанной работе, где не хватило чуть-чуть. И хоть все люди из группы со временем нашли себе научное применение и достигли достойного звания, опираясь на ту работу, представлял конечный результат только их руководитель и уже с новыми студентами. Этот руководитель пошёл дальше, работая не покладая рук. Так он получил звание профессора. Не знаю, получал ли кто-нибудь это звание быстрее него. Но сейчас он передо мной читал непринуждённо лекцию, звали его Пол Строуг, папу, видимо, звали также, но прозвище у него было своё – “Эдисон”.

Когда лекция закончилась, и все начали вставать с мест, я

выждал более удобный момент, чтобы смешаться с толпой. На моё счастье, какой-то студент, отвлёк внимание преподавателя дополнительным вопросом. Я не упустил этот шанс и с лёгкостью покинул лекционный зал.

Глава 5 (пятница) Парнас. Кафе.

Я шёл задумчиво по коридору, вроде бы в направлении своей лаборантской. Сердце моё бешено колотилось, хотя внешне я выглядел спокойно. Кровь, как мне казалось, скоро начнёт прожигать вены. Нужно было найти тихое место, чтобы осмыслить произошедшее за сегодня. Я увидел знак-стрелку, указывающую на кафе, и повернул туда.

Тихим, конечно, здесь называть было нечего. В большом светлом помещёнии стояли вразнобой столики. Кому было удобно – сидел за ними, а кому нет – на полу у стенки, или на подоконнике. Люди самого различного возраста, самых разных ученых степеней и самых разных компаний оживлённо общались за едой. Хотя в основном, конечно, это были студенты, то есть – молодёжь. Самая настоящая кровь Парнаса: живая, горячая и не желающая ни секунды стыть в жилах. Постоянный гул голосов, то тут, то там переходящий на непредсказуемые тональности, служил общей характеристикой этого места. Порой шумная атмосфера, где никому до тебя нет дела, и есть самая уютная обстановка, чтобы подумать.

Я взял себе литр воды с лимоном и, тоже забравшись с

ногами на широкий свободный подоконник, вытащил из нагрудного кармана маленький блокнот и карандаш. Иногда думать мне так было удобней. Итак, что мы имеем в итоге на данный момент?

Хакер пытается угнать неизвестно зачем машину в рудниках. Рудник я изобразил жирненьким кружочком, а попытку угона стрелочкой к нему. Хакер пользуется компьютером, который стоит в лекционной Эдисона. Эдисон при этом имеет какие-то планы на меня. В хвосте первой стрелочки появился ещё один кружок – зал с компьютером, и в его направлении появилась вторая стрелка – интерес Эдисона. У него, кстати, в подручных неплохой специалист, по словам Альбины. Я добавил туда ещё восклицательный знак. Самая прямая логическая цепочка: спец Эдисона устраивает побег машине, я еду на рудник, в это время он идёт к Альбине предлагать замену мне. Если честно – полный бред. Для провоачивания интриги с моим отстранением не надо заниматься трудоёмким взломом. Более того, спец наследил, да ещё так бездарно, что выдал местонахождение своего стационарного компа. Стационарного! Какой идиот занимается взломом со стационарника? Взломал, получил, что хотел, лэп в мусородробилку и концы в воду. Не найдёт никто. Это азы азов. Школьник, мечтающий стереть свои прогулы из базы данных школы, и то это понимает. А Альбина говорит, специалист хороший. Не сходится, хоть и выглядит логично.

Странным и совершенно неожиданным способом сейчас столкнулись передо мной интересы людей, стоящих выше меня по линии руководства. Да и по академическому рангу тоже. Их степень ответственности перед Парнасом значительно больше моей. Я ведь не работаю с людьми, не считая студенческих практик. Конечно, в людях разбираться я немного могу, но хватит ли мне этого знания, чтобы правильно всё оценить в том, с чем я столкнулся? И достаточно ли я знаю себя, чтобы не предпринять шагов, которые, как тому рыжему, изменят навсегда жизнь, совершенно не в желаемую сторону?

Я отвлёкся и посмотрел в зал. Вот через три столика от меня сидит пара. Смотрят друг на друга. Говорят о чём-то. Видно, что настроение у них хорошее. Необеспокоенное ничем в данный момент. Они не очень отвлекаются на окружающих. Он ей что-то рассказывает, а она больше комментирует, чем обсуждает с ним что-то наравне. У него благодушное выражение лица и часто поскальзывается улыбка, она тоже улыбается, но реже, не всегда ему в ответ. То есть иногда они улыбаются вместе, а иногда только он. Могу ли я в этом что-то понять?

Может ей на сегодня хочется уже завершить учёбу, которая ей, несомненно, нравится, но пары закончены и на фа-

культатив в пятницу идти настроения нет. Впереди выходные и есть ещё занятия помимо выбранной профессии. Какой-нибудь девичий клуб по флористике или моде, а может просто желание протанцевать до утра и вернуться к делам лишь в воскресенье. А ему хочется задержаться здесь для каких-нибудь ещё дополнительных тестов, суть которых ей, конечно, ясна, так как они с одного отделения, если верить нашивкам. И он склоняет её продолжить ещё хоть на немного пребывание здесь, так ему очень приятно работать с ней или в её присутствии. Что в обычные дни может так и происходит. Но сегодня их желания несколько разошлись и они ищут компромисс, чтобы сохранить своё воодушевлённое настроение.

Но может быть и совсем не так. Она ему симпатична, и он, то и дело, отвлекаясь на различные истории, пытается завоевать её внимание. Он старается не переусердствовать, чтобы не надоест. Поэтому ему важно, чтобы она улыбалась ему в ответ, как знак того, что он на верном пути. Но он не знает, а она ему специально не показывает, что сердце её занято. Что ей, без всяких сомнений, приятны его разговоры, приятны его идеи, манеры и то, что он ей вот так предложил посидеть в кафе между лекциями. Но она не считает себя обязанной его останавливать, так как всё находится в рамках приличий. И что уж точно вне рамок, так это обсуждение её личных сердечных интересов. В этом смысле ей приятней или удоб-

ней было бы, чтобы он всё понял сам.

И в первом случае понятно, что люди вместе. Пусть на этот вечер их интересы и расходятся. Даже если это и приведёт к небольшой ссоре, то он подумает и извинится, а она выслушает его и простит. А во втором случае они вместе не будут никогда. Так как сердце не завоёвывается разговорами. Оно вообще непонятно чем завоёвывается. И она в его пользу решения не изменит и ему останется лишь отступить. И лучше навсегда. Придётся пережить свою собственную маленькую или большую сердечную драму, и там очень глубоко внутри о ней придётся забыть.

И что же я вижу? Первый случай или второй? Или может тот, о котором так быстро мысль даже и не пришла? У меня не получается строить логическую цепочку дальше этим предположений. И это вполне объяснимо. Нельзя ничего понять, глядя вот так со стороны. Необходимо поучаствовать в их разговоре или хотя бы его услышать. В том и другом это будет вмешательство в чужую жизнь. А у меня это получается хуже всего – вмешиваться целенаправленно в чужую жизнь. Ведь вмешавшись в неё, свою ответственность за неё же будет трудно исключить. А бросить всё как есть для меня – это ещё тяжелее, чем вмешаться.

Я отпил сколько мог воды. Я глядел на блокнот. Можно ли

вот так чёрточками и кружочками нарисовать всю эту ситуацию, чтоб разобраться? Хорошо мне хоть хватает понятия, что это лишь способ размышления, а не размышление само. Этот листок можно выкинуть и забыть о нём. Никто и никогда не поймёт, что на нём. Я и сам через три дня могу и не вспомнить. Я крутил в пальцах карандаш, смотрел на рисунок и представлял ещё раз за разом, всё то, о чём начал размышлять. Постепенно я забыл об этой парочке, хоть и обвёл весь рисунок за это время раз десять.

Есть правда ещё одна неизвестная в этом уравнении – Кристальный город. Как вообще от него пришло сообщение? Почему именно в то время, когда я был на руднике? Ответы могли быть или в городе, или ещё у троих вышеназванных. Ни в то, что сам город проснулся, ни в то, что эти люди меня подвели, я не верил. У нас вечером посиделки, но разговоров на свободные темы не получится. Все будут заниматься городом с таким прозрачно-кристальным названием. А может не городом?

Вода была на исходе. В блокноте я поставил в сторонке ещё одну точку и знак вопроса рядом с ней. Сердце уже не так стучало, и венный зуд потихоньку проходил. Один из главных вопросов был в том, зачем я понадобился Эдисону? Я о нём был, конечно, наслышан и имел о его жизни собственное мнение. Но я ни разу с ним не пересекался. Ни

в сфере профессиональных интересов, ни уж тем более во внеучебной обстановке. Почему я? И кто я для него? На последний вопрос, пожалуй, есть ответ. Он специализируется на связи, я – главный администратор. Но ему, видимо, нужен не я, а доступ к сети. С его амбициями, скорее всего, неограниченными. Какая-то исследовательская работа? Научный прорыв? Неужели не достаточно собственной лаборатории? Вопросы сыпались, а голова соображала, где искать ответы. Надо было идти к себе. Там хоть что-то можно было для всего этого найти.

Я покинул кафе и пошёл не торопясь дальше. Вообще, торопиться имело смысл, но я шёл степенно, почти медленно, и следил за дыханием. Сначала несколько тягучих глубоких вдохов и таких же выдохов. Потом без спешки дыхание приводится в норму. Так, стреляя из лука на соревнованиях, я отвлекался от лишнего шума и суеты. На мой взгляд, в этом виде спорта побеждает тот, кто лучше умеет концентрироваться. Сама по себе техника не так уж сложна. Но умение отделять в данную секунду лишнее из окружающего, чтобы оставить только стрелу и мишень, и определяет в итоге победителя.

Так что же сердце застучало? Что это за эмоция? Азарт? Что-то смутное и тёмное подсказывала мне интуиция. Я ещё раз представил, с чем столкнулся. Строуг, судя по репутации,

ции, на мелочи расплыться не будет, его обаяния хватит, чтобы открыть если не любую, то почти всякую дверь. А там, где не хватит обаяния, будет что-то ещё. И самое главное – он не остановится. Он будет долбить, как победитовый перфоратор с бесперебойным питанием. Противостоять такому несколько азартно, но с учётом будущих результатов, скорее страшно. Страх прошёлся по моей крови. Или предчувствие страшного. А чем я до сих пор побеждал страх? Борьбой. Другого не нашёл. И всё это значит, что бороться придётся до конца и всерьёз. Для настоящего страха, пожалуй, рановато. Воспримем это, как предупреждение. И поэтому так важно выкинуть из головы всё ненужное и полностью отдаться делу.

Я дошел до своей двери и, войдя, опять поставил блок. Нужно было срочно поднимать информацию на Строуга. Чем занимался в последнее время в лаборатории? Какие курсы повышения проходил? У кого был куратором? Кто курировал его самого? В общем, вся официальная доступная информация. Всё взять по-тихому, чтобы лист не шелохнулся, чтобы волос не упал. В течении пары последующих часов я был всем этим поглощен без остатка. Звонки, чаты, официальные запросы, электронные приватные письма, воздушные обещания, строгие предупреждения, лирические увещевания, монотонное инструктирование, игра на взаимных интересах – все это ради отчетов, протоколов, списков, выпи-

сок, статей и ещё целой кипы дигитальных документов, где явно или нет фигурировала фамилия Эдисона. Меня вывел из всего этого карманник, заведённый будильник пропищал сбор на посиделки. Надо было идти в студенческий городок.

Глава 6 (пятница) Оладья.

Уже начинало темнеть. Система уборки улиц пока ещё не справлялась со снегопадом. Пешеходные дорожки были по шиколотку завалены мокрой белой кашей. С бордюров частыми струями талая вода сочилась в отводные каналы. Было непонятно, идёшь ты по луже или по сугробу. Кому может нравиться такая погода? Пока я знаю, только одного, и он, почти не разбирая дороги и придерживая берет, торопится на встречу. Говорят, психологи не рекомендуют обращаться к себе в третьем лице, ну и пусть говорят, я лучше прибавлю шаг.

Территория городка находилась позади университета. В центре этого места, заставленного домами разной формы и высоты, было огромное здание, возведённое с одной целью, дать приют внеаучным студенческим интересам. Музклубы, общества сочинителей литературы, разножанровые театрики, танцевальные группы, художники и так далее – всё, что было связано с творчеством, поиском мнения и самореализацией, не входящей в обязательный академический норматив, можно было найти здесь. Порой увлечшись, студенты уходили из Парнаса и становились кем-то ещё, но не работниками сферы точных наук. Это было естественно. Зачем

тебе продолжать изучать базы данных, если ты нашёл здесь, что ты – гитарист. Тем более, что треть городка была заселена студентами из соседнего гуманитарного универа.

“Оладья”, или здание “ненаучки”, было специально сделано с применением высокопрочных материалов, чтобы физически устоять под натиском молодёжного творчества. И хоть внешне длинный и овальный каркас, казалось, был нетронут временем, внутри то тут, то там шёл какой-нибудь небольшой косметический ремонт. Внутреннюю отделку разрешено было не щадить, и когда очередная стена комнаты какой-нибудь музыкально-художественной группы принимала совсем жалкий вид, её восстанавливали до начального состояния.

Один такой ремонт я обогнул в коридоре, и завернул в один из так называемых общих залов. Здесь было просторно, немного сумрачно, была сцена для репетиций и выступлений и столики вдоль стен, рассчитанные на шесть мест, разделённые перегородками для повышения приватности. Зал назывался “Диез”, похоже, в честь повышения тональности при разговоре. Здесь было так же, как и в кафе, а впрочем, как и всегда, то есть – довольно шумно.

За столом поближе к окну, взяв по паре клюквенных суррогатов, дожидались уже Бертыч и Градский. Первый сидел,

сцепив пальцы и положив перед собой на стол могучие руки, и со своей атлетической фигурой в своей чёрной кожаной куртке казался неведомым исполином гранитной Эллады. Его почти неразлучный товарищ, бросив плащ на сиденья перед собой, тянул через соломинку нечто кислое. На вид напиток весёлости явно не добавлял. Я завалился на диван к ним, притиснув их вплотную, и вместо приветствия с минуту смотрел на их вытянутые лица и бегающие по мне глаза. Я ещё не совсем отошёл от своих мыслей и автоматически ожидал их острот. Но и они, судя по их переглядкам, ждали каких-то объяснений от меня. Причём было понятно, что речи о поздороваться уже не ведётся. Но, что за тон? Как же без приветствий?

– Ну, привет! Чего онемели-то? Здорово, Бертыч, – я пожал ему руку, – И тебе здорово! О чём шушукается непрофессиональная интеллигенция? Заговор против гуманитариев строите? Сейчас придёт главный гуманитарий, он вам усы-то подкрутит! Э-э, да что с вас взять? Сидите тут побритые, с лица взять нечего.

– Привет, привет, а скажи-ка нам, Битик, тебя с утра генерал из поручиков в конюхи разжаловал, или ты решил поучится заново, так как за ночь всё забыл. Где ночь провёл, беспутник? Не могли тебя разжаловать, конюхов у нас – хоть ведром черпай, – до меня дошло, что я не переоделся, – Где шлялся, Ромео?

– Именно! – присоединился Бертыч, – Меркуции в недоумении? От кого надо было так быстро одеваться в ночи, чтоб вдеться в первое, что нашарил? Колись, код доступа, что за вид?

– Вообще-то, доспехи мои, – начал я оправдываться, но знал, что этого было мало, – а за поруганную честь дамы – дуэль с обоими. Оружие – словесные рапиры. Кто быстрее всех скажет слово “изотоп” наоборот, тот и победил!

Хором мы крикнули что-то нечленораздельное и несколько не похожее на правильный ответ. Честь дамы была спасена, жизни всех сохранены. Можно было и себе заказать какое-нибудь кислое бродило. Видя моё желание, Бертыч повёл своими мощными плечами и придвинул мне свой второй нетронутый стакан. Надо было начинать объяснение, я всё ждал, что подойдёт Грин, чтобы не повторяться во второй раз, но его пока не было.

– Ты дичи-то настрелял? – оборвал мои мысли Градский. С вопросом его худое, продолговатое лицо вытянулось ещё больше, – Или только за молоком сходил?

– Нет, – поморщился я, – дичь ушла на другой стол.

– А на молоко, судя по виду, средств не хватило, – подхватил Бертыч.

Все поулыбались удачной шутке.

– А ночевать-то ты там зачем оставался? Не очень далеко ведь обратно ехать было? – продолжил он.

– Всё-таки, без ночных приключений не обошлось, – встал Градский.

– Так мы ведь кроме турнира ещё на неформальные соревнования остались. Играли в «Мятый вопросник» командами по пять человек, в «Слово за слово» стенка на стенку. А потом все вместе во «Враньё». Утром у кого язык не ворочается, у кого голоса нет. Да и спальник у меня был с собой, на всякий случай.

– У меня такое ощущение, – Бертыч повернулся к Градскому, – что он спит, где придётся, потому что хочет протестировать все места на сносность. В том смысле, что места сны несут или нет? Сны несут – значит, сносность хорошая!

– Да! – сразу, без раздумий согласился его оппонент, – Конечно, всегда надо знать место сны несёт или нет. И если не несёт, то где их носит? Но если всё-таки сны несутся, то можно ли их вынести?

– Не каждый вынесет то, что сны несутся, – погладив невидимую бороду, сказал Бертыч.

– Я не вынесу, – заметил я и добавил, – скоро уже...

Пока они продолжали, хихикая, обмениваться всем этим, мельком по мне пробежала мысль, что не понятно, почему верхнюю одежду они не оставили при входе. На Градского,

который носил всегда только отглаженные рубашки и такие же брюки, это было не очень похоже. Его плащ, в таком виде, как он валяется – явно не высохнет. А Бертычу что, в куртке не жарко? Складывалось ощущение, что они куда-то скоро уйдут.

– Что до моей одежды, как вы правильно заметили, – перебил я их, – то до неё дело ещё дойдет. Но вот вы чего нормально не раздеваетесь? У нас что, планы?

– Вообще, да! Есть одно предложение, – ответил Градский, – Группа художников, с которой у меня сейчас один проект, позвала всех нас на галёрку. Они так называют посиделки, вроде наших, только у себя, в галерее. Там и интересно, и весело. Давно звали. Такой группы может потом и не соберётся, да и нам разнообразить вечер не помешает. Грин сейчас придёт и обсудим.

Внутри у меня заныло. Вечер придётся потерять.

– Боюсь не сегодня, – отозвался я, и все насторожились, – у меня тоже к вам предложение.

– Тогда выкладывай, – сказал Бертыч. Он смотрел мне в глаза и видел моё беспокойство. Смутная тень, как знак моего настроения, прошла по его лицу. Градский тоже более внимательно взглянул на меня. Я отпил из стакана.

– Дело такое, – потерев губы после глотка, сказал я, – Кто из вас не помнит Эдисона? Все помнят! Вот и прекрасно. Так вот. Я попал в странную историю, связанную с ним. Попал сегодня и разобраться не успел. У него появились планы в отношении меня. Не могу понять, что будет дальше. Нужна ваша помощь.

– А что за планы?

– Он хочет, чтоб я ушёл с должности. Причины я пока не выяснил. Может у него и руки короткие. Но вы его знаете, намерениями он не раскидывается. Так что за его руки беспокоиться не приходится, свои бы не оторвали.

Бертыч заёрзал, как на иголках. Он сделал несколько неопределённых жестов, как бы пробуя что-то спросить, но не находя при этом слов. Он то подносил палец под нос, то тер у виска, то разводил свободной от стакана рукой, при этом то глядя на меня, то заискивающе посматривая на Градского. Градский же сидел ровно и не отводил от меня взгляд. Я видел, как медленно и необратимо отливала кровь от его лица. Когда он сделался совсем белым, как больничная простыня, я продолжил. До этого я молчал в надежде что-то услышать от них.

– Ну вот, опять молчат. Други, не немеите! Проклюньте уже что-нибудь. Список плохих новостей на этом не закончен!

И вот тут их прорвало. Терзая меня, как хищные птицы затравленную добычу, они, наперебой вставляя вопросы, выпотрошили из меня всё и к началу следующего часа были посвящены в детали всего моего дня. Поездка на рудник, лекция по физике, копание в сети. Мы вытянули уже по литру кислого и к концу рассказа я уже начал чувствовать, что всё под рубашкой завязалось брам-шкотовым узлом и что надо срочно чего-нибудь съесть, последний раз о еде, помнится, я думал утром. Я сказал, что пройду до стойки или автомата, не забыв спросить, не хотят ли они чего-нибудь тоже перекусить. Они отказались и махнули рукой. Когда я их покидал, они сыпали репликами в друг друга, практически не останавливаясь.

Я дошёл до стойки, но было уже поздно, никого не было. Тогда я посмотрел в сторону, где был автомат. Тот запрятавшись в тень, искусно манил своим горящим зелёным логотипом. Я устремился к нему, огибая снующих студентов, как мотылёк на свет. И когда был уже близок к нему, два голоса, один из которых мне был хорошо знаком, заставили меня остановиться. Я обернулся, силуэт знакомого голоса подтвердил мою догадку. Дело в том, что я был в сумраке зала, мимо меня за какими-то делами постоянно проходили люди, а силуэт стоял в проеме двери, в коридоре было светло и меня ему разглядеть было бы трудно. Он разговаривал с

кем-то, кто был не полностью виден. По их жестам было понятно, что они прощаются. Я не стал им мешать, решив дождаться окончания разговора. Я уже заготовливал фразы для встречи, но в последнюю секунду перед их расставанием в дверном свете мелькнули длинные тёмные знакомые выющиеся локоны, и всё, что я напридумывал стёрлось из головы. А обладательница второго голоса и изящного силуэта, отделившись от двери, сделала пару шагов и слилась с проходящей по коридору толпой. Я оплатил в автомате несколько пирожков “котлета в тесте” и, сложив горячий, так называемый, ужин в бумажный пакет, медленно поплёлся обратно к столу.

Когда я дошёл обратно до стола, силуэт обрёл форму давно известного мне человека. Грин, согнувшись над столом, своим высоким ростом нависал над остальными. Градский и Бертыч что-то ему объясняли, разговор уже видимо прошёл ознакомительную стадию. Когда я подсел, все трое отпрянули назад на спинки, как будто только что готовили заговор. Грин поздоровался, и мы пожали руки.

– Ну, что, Меркуции? Вы его тоже опросили на предмет шастанья по ночам? Что скажет наш мистер Грин? Стриженая блондинка или пышноволосяя брюнетка? – я специально его провоцировал, я знал, что он не расколется, но вдруг чем-то себя выдаст, я бы хотел знать, что за человек, по его

мнению, был с ним у двери, и что он для него значил. Ведь Грин, как мы все знали, никогда, если говорить о девушках, не встречался ни с кем. В противном случае я бы никогда его об этом не спросил. Но вот интересно, почему же именно сегодня он опаздывает по причине рандеву? Да ещё не предупредив нас? Это не было на него похоже. Он смотрит пристально своими зелёными глазами и как будто читает то, что я думаю. Ладно, выясним потом.

– Ты во что вляпался, Битвайзер? Этот профессор пока души наши не вынет – не уймётся. Ты, я понимаю, знаешь, что надо делать. И делать это надо не здесь, – он был непроницаем, и говорить с ним о личных встречах, даже когда был такой вроде бы отвлечённый повод, было, как всегда, невозможно. Впрочем, в нашей компании разговоры о личном были не часты, только если личное мешало встречам.

– Откуда такая уверенность, что не здесь? Может надо посоветоваться сначала с чего начать?

– Советоваться мы можем и в лаборатории. Бит, пошли уже, здесь мы ничего не начнём.

Глава 7 (пятница)

Парнас. Лаборатория

Мы ввалились под свет моих рабочих ламп. Я сразу взял небольшой таймаут, чтобы всё-таки перекусить под кофе. Пока я этим занимался, все заняли свои привычные места, побросав одежду, как попало, на несчастную вешалку. Включились почти все визоры. Стоял галдэж. Я допивал последние глотки, когда, перебив всех, начал Бертыч.

– Насколько я понимаю, нам надо по-очереди высказаться, – он был явно на взводе, – Вопросов, собственно, два. Почему взелся Эдисон? И что мы будем делать, если Битвайзер уйдет с должности?

– С Эдисоном он может уйти и из универа, – вставил хладнокровно Грин.

– В данном случае, это не так важно, – отвлёкся тот на него, – Важно, что мы будем с этим делать. И всё-таки лучше по порядку. Эдисон или кто-то из его студентов, или помощников, так называемых, отправляет тебя к Крабу на чай, заниматься неизвестно чем. И этот же Эдисон, зная или не зная об этом, просит Альбину заменить Битвайзера на своего спеца. Вопрос номер один: что нужно Эдисону, а точнее,

что на этом месте его привлекает? И второе – связан ли выезд с Эдисоном? Так? Или ещё вопросы есть?

Все замялись, кто почёсывая щеку, кто теребя воротник.

– Мне пока этих хватает, – отозвался мягко Градский, – Но начнём с первого. Эдисону всегда хочется чего-то большего. Этого в нём не остановить. Если он не найдёт это здесь, пойдёт куда-нибудь ещё. Что в должности этой есть такого большого, что больше, чем у него есть?

Он обернулся в мою сторону.

– Бит, вот кофе пьёт, а я скажу. У него же ведь здесь, – тут он ткнул в пол лаборатории, – ключи от всех дверей. Неограниченный доступ к данным. К любым. А может и ко всем. Можно следить за тем, кто что исследует. Если его цель – глобальная слежка за продвижением инфотехнологий и выборочный надзор за особенными в каких-нибудь меркантильных целях, то лучше места не найти. Это логично. Про выезд вот мыслей нет. Тут копать надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.